

Политика советского государства по отношению к традиционному судопроизводству в Кыргызстане в 1917–1924 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции политики советской власти по отношению к судам биев по нормам адата в Кыргызстане в первые годы советской власти, которую можно разделить на два этапа. На первом этапе, в годы наиболее ожесточенной борьбы с басмачами в 1918–1920 гг., местные советские органы пошли по пути полного запрещения судов биев и казиев. К началу 1921 г. на территории, контролируемой большевиками, функционирование казийских и бийских судов было прекращено и сформировались две ветви советской судебной системы – ревтрибуналы и народные суды. При этом, естественно, в регионах, находившихся под контролем басмачей, судопроизводство совершалось на основе шариата и адата. Однако с переходом к этому положению изменилось, и было восстановлено судопроизводство по нормам адата. Сложилась ситуация, при которой параллельно существовали две системы – советская и традиционная. Вместе с тем происходило довольно быстрое ограничение юрисдикции судов биев, что и привело к их ликвидации на рубеже 20–30-х гг. XX в. Научная новизна проведенного исследования определяется в первую очередь использованием архивных документов, ранее не применявшихся при изучении данной темы. Это позволило сделать ряд новых и оригинальных выводов.

Ключевые слова: шариат, адат, суд биев, большевики, Советская власть, традиционное судопроизводство, декреты, НЭП, революционное правосознание, народные суды.

Annotation: The article examines the main lines of the Soviet government's policy towards the Bey courts of Adat regulations in Kyrgyzstan during the first years of Soviet rule, which can be divided into two stages. At the first stage, during the years of the fiercest struggle with the Basmachis in 1918–1920, local Soviet agencies went in the direction of the complete prohibition of Bey and Qadi courts. At the beginning of 1921 on the territory controlled by the Bolsheviks, the operation of Qadi and Bey courts was discontinued and a secular judicial system was set in place with two branches – the Revolutionary tribunal and the People's court. At the same time, naturally, in the regions controlled by the Basmachis legislation was carried out on the basis of Sharia and Adat. With the transition to NEP, however, conditions changed and legislation according to the norms of Adat was restored. The resulting situation contained two parallel-existing systems – Soviet and traditional. Concurrently with this started a rapid process of limiting the jurisprudence of Bey courts, which ultimately brought their termination at the turn of the 1920s–1930s. The scientific novelty of this research is set in the first place by the use of archival documents, not used previously in the study of this topic. This led to a series of new and original conclusion.

Key words: traditional legislation, Soviet authority, Bolsheviks, Bey courts, Adat, Sharia, decrees, NEP, Revolutionary legal sense, People's court.

После захвата власти большевиками в 1917 г. началась стремительная ликвидация всей прежней системы управления, в том числе и судебных органов, вместо которых вводился советский суд, обязательный и единственный для всех граждан новой России. С ноября 1917 г. по март 1918 г. советский суд действовал на основе социалистического правосудия, а уже затем – на основе декретов советской власти при использовании не отмененных большевиками старых

законов. С ноября 1918 г. – только на основе советских законов, а при их отсутствии или неполноте руководствовались социалистическим правосознанием [5, 7–8].

По декрету СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. нормы шариата (мусульманского права) и адата (обычного права) разрешалось применять «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [7, 138]. 12 декабря 1917 г. на основе

декрета № 1 «О суде» СНК Туркестанского края был издан приказ «О суде». В соответствии с этим приказом началась ликвидация старых судебных учреждений под руководством комиссаров юстиции Советов, они же организовывали новые судебные учреждения. Кроме того, указанным декретом предусматривалось создание участковых мировых судов, образующихся на основе демократических выборов [20, л. 10].

17 июня 1918 г. был упразднен Туркестанский военно-окружной суд, однако судебная палата и прокуратура при ней существовали до 1919 г. [5, 8]. В августе 1918 г. СНК Туркестанской республики издал декрет об упразднении религиозных, казийских (по нормам мусульманского права) и бийских (по нормам обычного права) судов и установлении повсеместно советских судов. Такая «красногвардейская атака» на традиции и обычаи местного населения во многом способствовала росту басмаческого движения, да и вообще увеличению уголовных преступлений. Так, весной 1918 г. отмечалось, что в Пишпекском уезде грабежи и разбои приняли колоссальные размеры и что «дела об этом неподсудны всем судебным инстанциям, учрежденным Советом народных депутатов до настоящего времени» [14, л. 46].

Несмотря на то что непродуманные действия советских органов по отношению к местному населению вызывали только рост сопротивления, тем не менее на VI съезде Советов Туркестанской республики был подвергнут резкой критике Наркомат юстиции за медлительность в «революционном» преобразовании судебных органов [5, 8]. Вообще надо отметить, что советская власть очень своеобразно понимала и применяла понятие «законность». Выдвинутый В. И. Лениным лозунг «экспроприация экспроприаторов», то есть грабь награбленное, не мог не вызвать «отклик» в широких массах населения. В то же время нельзя считать случайными такие термины, как «социалистическое правосудие», «социалистическое правосознание», «революционная совесть», при помощи которых юридические нормы трактовались исключительно с классовых позиций, а по существу – в интересах партии большевиков, готовых на все ради удержания власти.

Большевики утверждали, что их власть «народная». Однако именно народ и не спешил идти в советский суд. Так, народный суд 7-го участка Верненского уезда в течение 1918 г. рассмотрел всего 10 дел, из которых 9 были о расторжении

брака и одно – о наследстве. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других народных судах [6, 109]. Еще одной характерной особенностью переходного периода стал резкий рост барымты (барымта – процессуальный институт обычного права кочевников, который служил средством принудительного восстановления нарушенного права, если ответчик отказывался исполнять решения бийского суда, выражался в насильственном захвате чужого имущества, как правило, в угоне скота), с которой справиться никак не удавалось [21, 53].

В апреле 1919 г. в НКЮ Туркестанской республики прошло совещание, на котором единогласно было принято решение о замене судов казиев и биев единым советским народным судом [4, 8], но в то же время народному суду позволялось руководствоваться нормами шариата и адата, если они не противоречили непосредственно «пролетарскому правосознанию и декретам рабоче-крестьянского правительства» [16, л. 8]. В результате 12 июня 1919 г. СНК Туркестанской республики издал приказ об упразднении судов казиев и биев, а равно их съездов и замене их одним судом для всех граждан Туркестана [7, 488]. Однако новая судебная система утверждалась непросто. Некоторые новообразованные судебные инстанции торопились выступить с оптимистическими заявлениями. Так, в докладной записке нарсуда 1-го участка Ошского уезда от 23 августа 1919 г. говорилось, что «из сравнительно короткой практики суда все же ясно усматривается, что популярность народного суда среди мусульманского населения очень большая, оно охотно и с большим доверием идет в народный суд со своими нуждами и за правосудием, надеясь, что оно им здесь будет оказано. Например, в последние 3 месяца суд решил больше 10 бракоразводных мусульманских дел» [20, л. 5]. А в отчете о работе Петропавловского уездного отдела управления за 1920 г. звучала совсем иная тональность. Там указывалось, что «казахи не ходят в районные народные суды из-за незнания русского языка и потому, что предпочитают решать дела по своим обычаям у аксакалов (старейшин в родовой группе. – С. С.). В последнее время дела разбирают аксакалы и ревком» [6, 204].

Приказом СНК Туркестанской АССР от 6 мая 1919 г. был упразднен Туркестанский кассационный суд, а все дела были переданы в областные советы народных судей как в единую кассационную инстанцию. Советские народные суды при этом в первую очередь охватывали

русскоязычное население края, в то время как для коренных национальностей «наряду с советскими законами народным судам разрешалось применять некоторые нормы шариата и адата» [19, 73]. Кроме этого, на территории Туркестана продолжали функционировать и мировые судьи, ликвидированные уже в 1918 г. в европейской части РСФСР. Так, во всем Семиречье они действовали весь 1919 г. [21, л. 15]. При этом сохранялся следующий штат: мировой судья, два народных представителя, секретарь, два писца, переводчик писем, рассылный. Они получали 650–800 рублей в месяц, в то же время на разъезды по судебным делам, в данном случае в Пишпекском уезде, выдавалось всего лишь 600 рублей в месяц [13, л. 12].

Однако несмотря на приказ СНК Туркестанской АССР от 6 мая 1919 г., уже 17 июня 1919 г. вышло новое указание, в котором говорилось, что «начиная с августа этого года необходимо приступить к постепенной замене существующих в республике мусульманских судов казиев и биев на единый народный суд, а с 1 июля 1919 г. запретить частную практику адвокатов ввиду образования коллегии правозаступников» [15, л. 39–39об.]. При этом на должности народных судей и следователей могли претендовать все желающие [15, л. 39]. Правда, они должны были удовлетворять следующим условиям: 1) иметь право избирать и быть избранными в Совет рабочих и крестьянских депутатов; 2) иметь политический опыт работы в пролетарских секциях партии, профсоюзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и советских учреждениях; 3) иметь теоретическую и практическую подготовку для должности народного судьи [10, л. 40]. Из этих условий первое было обязательным, а из остальных требовалось соблюдение хотя бы одного. При таком подходе, естественно, в судебные органы попало большое количество абсолютно непригодных лиц с точки зрения как образовательно-культурного, так и нравственно-этического уровня.

Наиболее ярко ситуацию в 1919 г. в Туркестане в условиях гражданской войны обрисовал известный советский деятель Т. Р. Рыскулов на VII чрезвычайном съезде Советов Туркестана. Он заявил, что «комиссар юстиции не видит большой разницы между судами биев и казиев, хотя суд казиев можно, скорее, реорганизовать и подвести под нормы суда (советского. – С. С.), тогда как к суду биев приходится подходить осторожно» [17, т. 5, 5–6]. И тут же перешел в

наступление именно на суд биев: «Сейчас бии во многих случаях не придерживаются даже норм обычного права. В последнее время бии судили главным образом для наживы. <...> Во время правительства Керенского бии остались, хотя и были перевыборы, и в эти суды попали если и не те же бии, то их родственники, и пошли опять по этой же линии. <...> Кочевое население не так держится за старое и относится отрицательно к биям, и если будет распоряжение о том, что институт биев совершенно уничтожается, то это возмущения не вызовет, а наоборот, население скажет спасибо. И еще лучше было бы, если бы биев совершенно изолировать от населения, это было бы еще лучше» [17, т. 5, 6]. То есть выходец из кочевой среды продемонстрировал полное непонимание сущности родовых отношений, если считал, что судебную систему по адату можно ликвидировать путем издания соответствующего приказа. Конечно, Т. Р. Рыскулов отлично понимал всю сложность проблемы, однако характерные для первых лет советской власти шапкозакидательские настроения не позволяли ему высказать сомнения в абсолютных возможностях нового строя. На этом съезде было предложено провести перевыборы казиев и ввести коллегиальный суд, но при этом не касаться норм шариата, а также запретить биям и казиям избираться в новые советские суды [17, т. 5, 7]. В условиях, когда войска Красной армии контролировали только крупные населенные пункты, а все киргизы проживали за их пределами, эти решения были обречены на декларативность и, кроме того, никак не способствовали сближению советских органов с местным населением. Поэтому оставалось только продолжить критиковать традиционную судебную систему. Что и продолжил Т. Р. Рыскулов в августе 1919 г., говоря, что «старые бии (судьи) и аксакалы, пользуясь своим бывшим авторитетом, отправляют, за отсутствием советских судов, правосудие, сдирая взятку с обеих тяжущихся сторон, но судя в пользу той стороны, которая дала больше». По его словам, «умышленные создания разводов», а также «отнимание и угон скота, избияния и т. п.» были характерными явлениями «среди кочевого киргизского населения» [17, т. 2, 242].

Таким образом, к началу 1921 г. на территории, контролировавшейся большевиками, функционирование казийских и бийских судов было прекращено и сформировались две ветви советской судебной системы – ревтрибуналы и народные суды. При этом, естественно, в регионах, на-

ходившихся под контролем басмачей, судопроизводство совершалось на основе шариата и адата.

С переходом к нэпу в северных киргизских районах в 1921 г. были образованы бийские суды (несколько десятков). Им «были подсудны уголовные и гражданские дела, вытекающие из семейных и наследственных прав, а также уголовные дела, кроме государственных преступлений, преступлений против порядка управления, должностных, преступлений против жизни, здоровья и свободы» [3, л. 2]. По существу, была восстановлена дореволюционная система, когда государственные и тяжкие уголовные преступления рассматривались общеимперскими российскими судами, а к юрисдикции «народных» судов относились мелкие уголовные преступления и область гражданского права (брачно-семейные, наследственные, имущественные, земельно-водные отношения). Стоит отметить, что в отличие от российских властей советские власти не собирались предоставлять время для постепенного осознания киргизскими массами всех «преимуществ» советского суда. Напротив, они считали своей важнейшей задачей развернуть классовую борьбу в ауле, в котором в качестве эксплуататоров выступали манапы (представители родовой аристократии у киргизов), бии и баи (богатые сородичи).

26 марта 1921 г. в Пишпекском уезде было создано бюро юстиции. На уездном съезде народных судей территория уезда была разделена на 16 участков. Затем состоялось распределение этих участков между судьями. Был избран председатель уездного бюро юстиции, на которого помимо административных обязанностей возлагалась также и должность народного судьи в исключительных случаях [9, л. 105]. 15 декабря 1921 г. вышло постановление СНК Туркестанской республики, которое утвердило для кочевников новую форму судов – камеру народного суда. В частности, в Пишпекском уезде были созданы три передвижные камеры [7, 466].

В октябре 1921 г. правительство Туркестанской республики решило организовать бийские суды там, где об этом ходатайствовало большинство населения [1, 5], однако границы их юрисдикции не были определены, и данное решение явно не торопились вводить на практике.

26 мая 1922 г. Туркестанский ЦИК принял постановление о восстановлении судов биев и казиев, которые с июля стали функционировать параллельно с советскими народными судами по всей Туркестанской республике. Однако они

были поставлены под жесткий контроль: «Казии и бии должны были ежемесячно отчитываться в своей работе перед областными судами, а денежные суммы (судебная пошлина и сборы) вносить в кассы уфинотдела 2 раза в месяц. Генпрокуратуре и облсуду предоставлялось право истребования в порядке контроля от казиев и биев любого дела» [19, л. 27].

25 июля 1922 г. было утверждено положение «О суде казиев и биев», которое определяло порядок избрания казиев и биев, рамки юрисдикции, а также поставило их деятельность под контроль народных судов. Казии и бии избирались сроком на один год по норме один судья для волости и города, при этом любая из тяжущихся сторон могла заявить о нежелании судиться у казиев или биев, и тогда дело передавалось в советский суд [19, л. 27]. Также надо отметить, что решения, основанные на шариате и адате, подлежали отмене, если они противоречили советским законам и «социалистическому правосознанию», во всех остальных же случаях они могли быть обжалованы на съезде казиев и биев, приговоры которого считались окончательными [19, л. 27]. Кроме того, в указанном выше положении подчеркивалось, что если население отдельных районов не хотело организации таких судов, то их и не создавали [19, л. 27]. Таким образом, несмотря на официальное согласие советской власти на функционирование традиционных судов, они были сразу поставлены в подчиненное положение по отношению к советской судебной системе.

Продолжая политику дискриминации, Исполнительное бюро ЦК КПТ 6 октября 1922 г. постановило «считать организацию суда биев среди киргизского населения ненужным и недопустимым», а также «ввести повсеместно единый советский народный суд, допустив параллельно с ним в Фергане и суд биев по требованиям населения через приговоры аульных обществ». Также рекомендовалось: «Наркомюсту разработать подробное положение о народном суде для киргиз с внесением коррективов соответственно бытовым условиям населения (кун, кальбаранта)». (Куном в нормах обычного права назывался штраф за убийство или тяжелые телесные повреждения, кальбаранта – то же самое, что и барымта.) Наркомюсту также предписывалось «разработать твердую нормальную сеть единого народного суда среди киргизского населения. Разработать вопрос о порядке оплаты судов биев, казиев и подсудности» [11, л. 7–8].

Важнейшим этапом на пути монополизации советской судебной системы стала судебноправовая реформа 1922–1924 гг. в СССР. В октябре 1922 г. на сессии ВЦИК было принято положение о судеустройстве РСФСР, по которому были упразднены революционные трибуналы и установлена единая система общегражданских судов в виде трехзвенной системы судебных органов – народный суд, губернский суд, Верховный суд РСФСР [19, 75]. На основании этого 14 апреля 1923 г. было принято положение о судеустройстве Туркестанской АССР, по которому «вместо разобщенных двух систем (народных судов и революционных трибуналов) была организована единая система судебных органов – нарсуды, областные суды, отделение Верховного суда РСФСР в Туркестанской АССР. Были еще и специальные суды – военные и военно-транспортные трибуналы» [2, 61].

По ст. 228 УК РСФСР (1922 г.) запрещалось принятие куна (за принятие куна следовала его конфискация или штраф в размере полученного куна). Ст. 229 запрещала барымту (наказание – принудительные работы на 6 месяцев или штраф до 500 рублей). Ст. 230 запрещала уплату калыма (материальной выплаты женихом за невесту ее родичам) (за выплату калыма следовало наказание в виде тюремного срока до 1 года или принудительных работ, за принятие калыма – то же самое и еще штраф в размере калыма). Ст. 232 запрещала двоеженство и многоженство (наказывалось принудительными работами сроком до 1 года) [7, 407].

По положению от 23 декабря 1922 г. в Туркестанской АССР казии и бии получали содержание от местных исполкомов, которым предоставлялось право определять смету на их содержание. Кроме того, если раньше решения судов казиев и биев могли быть обжалованы в двух инстанциях – апелляционной (съезд биев и казиев) и кассационной (совнарсуд по мусульманскому отделению), – то теперь съезды казиев и биев как апелляционная инстанция были ликвидированы [7, 466]. Также надо отметить, что правила судопроизводства в судах казиев и биев не предусматривались никакими положениями, и они использовали нормы дореволюционного времени, в том числе в качестве свидетельских показаний; продолжала использоваться присяга.

В начале 1923 г. Т. Р. Рыскулов так обрисовал положение в Семиречье: «Недавно только мы освободились от надвигающейся опасности создания сверху согласно нашим предыдущим

декретам изжитых уже из обихода киргизским населением судов биев и даже судов казиев» [17, т. 3, 44]. Как видно из этого заявления, видный советский работник продолжал риторику эпохи военного коммунизма, считая почему-то, что многовековые традиции местных народов уже изжиты за несколько лет. К тому же, как и значительное количество партийных работников, он критиковал постановления ЦК и ЦИК КПТ, что тогда еще воспринималось более или менее терпимо, но вскоре именно такие высказывания стали рассматриваться как проявления различных «уклонов», за что их авторы подвергались репрессиям. Настаивая на отмене судов биев, Т. Р. Рыскулов указывал, что «новая сеть единых советских народных судов еще не создана, а Наркомюст не установил до сих пор даже степени наказания за барымту в женском вопросе и других бытовых вопросах» [17, т. 3, 44–45]. Следовательно, агитируя за «красногвардейскую атаку на адат», предлагалось разрушение старого уклада еще до построения новой судебной системы. Помимо этого, Т. Р. Рыскулов указывал, что «контракт страшно развивается среди киргизского населения. Есть профессиональные воры, но много и вынужденных воров по нужде, их в большинстве содержат целыми партиями бай и даже некоторые предатели волостных исполкомов. <...> В особенности остро это явление (барымта. – С. С.) проявляется на границе Туркестанской и Киргизской республик». Кроме того, «начался переход жен бедняков к баям из-за материальной необеспеченности» [17, т. 3, 44, 47]. Поэтому «главными задачами Наркомюста являются: 1) создание сети единых советских судов; 2) упразднение судов биев; 3) преследование самозванных биев; 4) укрепление материальной стороны нарсудов; 5) подготовка через курсы судебных деятелей специалистов из трудящихся масс; 6) применение основ Кодекса законов РСФСР к особенностям быта туземного населения» [17, т. 3, 45].

Вызывает интерес то, что упоминаются «самозванные бии», то есть помимо избранных официальным путем биев существовали бии, не входящие в сильно урезанные в правах мусульманские народные суды, что, во-первых, говорит о том, что киргизы не «относятся отрицательно к биям», и во-вторых, показывает определенное отношение как к советским судам, так и к судам биев, то есть недоверие народа к новой власти. Еще одним фактором, способствовавшим сохранению традиционных судебных порядков,

являлось недостаточное, унаследованное еще с дореволюционных времен количество судей и следователей. Так, в Джетысуйской области в 1923 г. существовало 88 судебных и 19 следственных участков, что в среднем составляло на каждый нарсуд свыше 8 тыс. кв. км с населением около 24 тыс. человек [8, л. 1]. Помимо этого, на фоне растущей преступности дестабилизирующими факторами являлись «очень слабый состав судработников [8, л. 1] и отсутствие переведенных на киргизский язык новых законов по Кодексу РСФСР [17, т. 5, 130].

Переход к «контратаке» начался в Туркестане довольно быстро. Уже в феврале 1924 г. ЦИК Туркестанской АССР издал декрет, согласно которому всякого рода дела, подсудные суду казиев и биев, в случае желания хотя бы одной из сторон должны были передаваться в народный суд [1, 6]. Кроме того, бийские суды были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание самого населения, которое желало подавать жалобы именно в эти суды [1, 6].

Несмотря на призывы укреплять единый советский народный суд и бороться с «пережитками прошлого», ситуация и через год, в июле 1924 г., фактически не изменилась – «в аулах су-

ществуют самочинные народные суды, институты биев, они и отправляют свои правосудия» [1, 6]. К этому времени в северных киргизских районах действовало несколько десятков бийских судов, а на юге – 37 казийских судов [3, л. 2].

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, в отличие от дореволюционного времени новые власти не только не собирались постепенно, эволюционно видоизменять юридическую систему у кочевников Туркестана, а считали возможным полное замещение норм адата на советское законодательство в течение нескольких месяцев. При этом полностью игнорировался тот факт, что никаких политических и социально-экономических предпосылок для этого не существовало. Во-вторых, столкнувшись с массовым сопротивлением, большевики были вынуждены временно приостановить наступление на традиционное судопроизводство кочевников и разрешить функционирование судов биев и казиев. Однако в то же время последние были значительно ограничены в своей юрисдикции и поставлены под контроль советских органов, что создало после сворачивания нэпа все условия для полного уничтожения традиционного судопроизводства у киргизов по нормам обычного права.

Библиография:

1. Борубашов Б. И., Исманов Т. К. Деятельность местных судов по применению обычного права киргизов в первые годы советской власти // Вестник КРСУ. 2010. № 6. С. 3–6.
2. Ганиева Т. И. Этапы развития судебной системы Кыргызской Республики. Суды и правосудие в период вхождения Кыргызстана в состав Туркестанской АССР (1918–1924 гг.) // Вестник КГНУ. 2000. № 1. С. 57–61.
3. Главный суд Киргизской АССР // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 196. Оп. 1. Д. 17.
4. Докладная записка нарсуда 1-го участка Ошского уезда. 23 августа 1919 г. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 587.
5. Исманов Т. К. Становление советского правосудия в Кыргызстане и использование местных бийских судов в первые годы советской власти // Вестник КРСУ. 2011. № 10. С. 7–11.
6. История государства и права Советского Казахстана. Т. 1 (1917–1925 гг.). Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1961. 447 с.
7. История советского государства и права Узбекистана. Т. 1 (1917–1924 гг.). Ташкент: Издательство АН УзССР, 1960. 534 с.
8. Отчет Джетысуйского областного комитета КПТ. 1923 г. Токмакский уездно-городской комитет КПТ // Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24.
9. Положение о мусульманских народных судах Туркестанской Республики. 25 июля 1922 г. // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 89. Оп. 1. Д. 143.
10. Порядок избрания народных судей и заседателей в Туркестанской АССР // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 254. Оп. 1. Д. 27.
11. Постановление Исполбюро ЦК КПТ по вопросу о суде биев от 6 октября 1922 г. // Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 391. Оп. 3. Д. 61а.
12. Постановление СНК Туркестанской Республики от 15 декабря 1921 г. № 279 // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 38. Оп. 2. Д. 269.
13. Постановление Туркестанского ЦИК о восстановлении судов биев и казиев. 26 мая 1922г. // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.
14. Приказ СНК Туркестанской республики № 66 от 17 июня 1919 г. // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 254. Оп. 1. Д. 27.
15. Протокол общего собрания Пишпекского угоркома РКП(б) 25.04.18 г. // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2.
16. Протокол совещания в НКЮ Туркестанской Республики. Апрель 1919 г. // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 31.

17. Рыскулов Т. Р. Полное собрание сочинений: В 5 т. Алматы: Казыгуртбаспасы, 2007. Т. 2 (368 с.), Т. 3 (360 с.), Т. 5 (360 с.).
18. Смета на 1919 г. мировому народному судье по Пишпекскому уезду // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 254. Оп. 1. Д. 27.
19. Типеров А. В. История становления советского суда в Кыргызстане (1917–1924 гг.) // Вестник КРСУ. 2013. № 9. С. 70–75.
20. Циркуляр Семиреченского областного отдела юстиции при Облсполкоме г. Верный 1 июня 1919 г. всем местным мировым народным судам // Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 254. Оп. 1. Д. 27.
21. Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 100 с.

References (transliterated):

1. Borubashov B. I., Ismanov T. K. Deyatel'nost' mestnykh sudov po primeneniyu obychnogo prava kyrgyzov v pervye gody sovetsoi vlasti // Vestnik KRSU. 2010. № 6. S. 3–6.
2. Ganieva T. I. Etapy razvitiya sudebnoi sistemy Kyrgyzskoi Respubliki. Sudy i pravosudie v period vkhozhdeniya Kyrgyzstana v sostav Turkestanskoi ASSR (1918–1924 gg.) // Vestnik KGNU. 2000. № 1. S. 57–61.
3. Glavnyi sud Kirgizskoi ASSR // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 196. Op. 1. D. 17.
4. Dokladnaya zapiska narsuda 1-go uchastka Oshskogo uyezda. 23 avgusta 1919 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan. F. R-38. Op. 2. D. 587.
5. Ismanov T. K. Stanovlenie sovetsoi pravosudiya v Kyrgyzstane i ispol'zovanie mestnykh biiskikh sudov v pervye gody sovetsoi vlasti // Vestnik KRSU. 2011. № 10. S. 7–11.
6. Istoriya gosudarstva i prava Sovetskogo Kazakhstana. T. 1 (1917–1925 gg.). Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR, 1961. 447 s.
7. Istoriya sovetsoi gosudarstva i prava Uzbekistana. T. 1 (1917–1924 gg.). Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR, 1960. 534 s.
8. Otchet Dzhetyysuisкого oblastnogo komiteta KPT. 1923 g. Tokmakskii uezdno-gorodskoi komitet KPT // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv politicheskoi dokumentatsii Kyrgyzskoi Respubliki. F. 1. Op. 1. D. 24.
9. Polozhenie o musul'manskikh narodnykh sudakh Turkestanskoi Respubliki. 25 iyulya 1922 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 89. Op. 1. D. 143.
10. Poryadok izbraniya narodnykh sudei i zasedatelei v Turkestanskoi ASSR // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 254. Op. 1. D. 27.
11. Postanovlenie Ispolbyuro TsK KPT po voprosu o sude biev ot 6 oktyabrya 1922 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv politicheskoi dokumentatsii Kyrgyzskoi Respubliki. F. 391. Op. 3. D. 61a.
12. Postanovlenie SNK Turkestanskoi Respubliki ot 15 dekabrya 1921 g. № 279 // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan. F. 38. Op. 2. D. 269.
13. Postanovlenie Turkestanskogo TsIK o vosstanovlenii sudov biev i kaziev. 26 maya 1922g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 5. Op. 1. D. 59.
14. Prikaz SNK Turkestanskoi respubliky № 66 ot 17 iyunya 1919 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 254. Op. 1. D. 27.
15. Protokol obshchego sobraniya Pishpekskogo ugorkoma RKP(b) 25.04.18 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 89. Op. 1. D. 2.
16. Protokol soveshchaniya v NKYu Turkestanskoi Respubliki. Aprel' 1919 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan. F. R-38. Op. 2. D. 31.
17. Ryskulov T. R. Polnoe sobranie sochinenii: V 5 t. Almaty: Kazygurtbaspasy, 2007. Т. 2 (368 с.), Т. 3 (360 с.), Т. 5 (360 с.).
18. Смета на 1919 г. мировому народному судье по Пишпекскому уезду // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 254. Op. 1. D. 27.
19. Tiperov A. V. Istoriya stanovleniya sovetsoi suda v Kyrgyzstane (1917–1924 gg.) // Vestnik KRSU. 2013. № 9. S. 70–75.
20. Tsirkulyar Semirechenskogo oblastnogo otdela yustitsii pri Oblispolkome g. Vernyi 1 iyunya 1919 g. vsem mestnym mirovym narodnym sudam // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki. F. 254. Op. 1. D. 27.
21. Shalamov M. Sudebnoe ustroistvo Kazakhstana. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1941. 100 s.